

Немой игрушкой была, не боле.
«Кузен и друг, – она спросила Жана, -
Почто вам вздумалось вставать так рано?»
«Пяти часов достаточно для сна, -
Он отвечал, – и голова ясна.
Лишь немощью расслабленные люди
Или мужья, пусть их господь рассудит,
Как заяц, что залег в своей норе,
Валяются еще о той поре,
Когда высоко солнце поднялось.
Но что бледна ты, дочь моя? Пришлось
Тебе, как видно, ночью потрудиться,
Пред тем как утром с мужем распротиться.
И не спала ты и пяти часов?»
Сам засмеялся он от этих слов,
Побагровев от мысли озорной.
Она же покачала головой.
«Нет, нет, кузен, клянусь предвечным богом,
Мне спальня ныне кажется острогом,
И нет во Франции жены другой,
Которая б той тягостной игрой
С тоскою горшей ночью занималась.
Хоть никому я в том не признавалась,
Но не мила мне жизнь моя; не раз
С собой покончить я в слезах клялась
Иль убежать от страха пред расплатой,
Столь чувствую себя я виноватой».
Прислушавшись с великим интересом
К ее словам, он так сказал ей с весом:
«О дочь моя, храни тебя Христос,
Не помышляй отнюдь обитель слез
Покинуть ты, но не стыдись открыться;
Совет благой, быть может, пригодится.
О дочь моя, свою открой мне душу,
И тайны я до гроба не нарушу.
Я в том тебе Евангельем клянусь!»
«И вам, милорд, я в том же поручусь;
Пусть мне грозят жестокие мученья,
Не выдам слова я из поученья.
То сделаю не из родства по крови,
А лишь из преданности и любви».
Поклявшись так, они облобызались,
И языки у них поразвязались.
«Не место здесь, брат дорогой, не время
С плеч скидывать напастей тяжких бремя,
А то бы я вам много рассказала
О тех мучениях, что испытала
С тех пор, как замужем (хоть вам и брат
Злодей негодный, что на мне женат...)».
«Нет, дочь моя. Клянусь святым Мартином,
Не брат он мне, а лишь духовным сыном
Приходится, хоть братом называю.
А в доме вашем часто я бываю
Лишь ради вас, которую люблю,
Которую всечасно я хвалю.